

Она положила рыбу и посмотрела на нее. "Если ты попытаешься укусить или обжечь меня, я закончу начатое шестом", - шипела она на него. Она зашипела в ответ, но как-то полусерьезно, бросив на рыбу очень хищный взгляд. "Хорошо."

Она сняла намордник, и дракон бросился на рыбу. Астрид стояла на месте, сама не зная почему, и смотрела на дракона, когда он оглянулся на нее, когда скудная еда закончилась. Крошечный дракончик все еще дрожал, когти то втягивались, то вырывались из земли, вибрируя от неуверенности. Она вздохнула, так же неуверенно.

"Ну, давай, кыш. Держись подальше от Берка, и все будет хорошо. Не заставляй меня жалеть об этом, иначе я превращу тебя в ковер".

Дракон испустил небольшую струйку огня, едва достаточную, чтобы опалить землю перед собой, но все же заставил Астрид инстинктивно потянуться к топору и на долю секунды задуматься, о чем она вообще думала. Очевидно, дракон пытался отвлечь внимание, потому что он беспомощно махал руками, пока не оказался в воздухе на высоте нескольких футов, издал несколько пронзительных криков, а затем рухнул обратно на траву, похоже, исчерпав все свои силы. Астрид не смогла сдержать смешок, когда он, казалось, уставился на нее, и бросила ему кусок вяленого мяса яка, который держала при себе на всякий случай, прежде чем направиться обратно в деревню.

"Глупая рептилия. Держись подальше от деревни, слышишь?".

Она шла обратно к Берку, качая головой на себя и на глупую маленькую тварь. Она отказывалась признать, почему только что освободила одного из деревенских вредителей - не потому, что сострадание и доброта Иккинга были для нее чем-то дорогим, и не потому, что у рыжего ужаса были очень знакомого цвета зеленые глаза. И даже не потому, что ей было жаль его, как и всех тех бессмысленных смертей, которые происходили с обеих сторон в гонке за выживание.

Но одна мысль все же не давала ей покоя. Крошечная рептилия, даже избитая и полумертвая, пыталась улететь, и, если ее охотничьи ориентиры не совсем ошиблись, а они не ошиблись, она летела прямо в направлении ворот Хельхейма. Даже в таком состоянии, когда в нем почти не осталось энергии, дракон пытался улететь обратно домой.

В голове Астрид начала формироваться идея, наполовину похожая на чудовище, а наполовину - на последний штрих гения. Как только она вышла на главные улицы Берка, ее охватила деревенская суэта и заботы, и ежедневная рутина и столько работы увлекли ее за собой, пока она не вернулась в комнату на чердаке, обессиленная, забравшись под меха на кровати, которая когда-то принадлежала Иккингу. Тогда к ней вернулась идея, чуть более стройная, чем прежде, после дня, проведенного в соках задворков ее сознания, и ей приснились ужасы, привязанные к мачтам кораблей, тянущие их к триумфу или гибели.

Стоик просыпался каждое утро, готовый сразиться с миром или умереть. Или так он просыпался раньше, когда его дом был менее тихим, а жизнь менее пустой. Теперь же он

просыпался от приятного запаха еды, насыщенного дня, ожидающей его деревни и большого количества костей, которые еще предстоит перебрать их гостям-рептилиям. Этого было бы достаточно, чтобы наполнить жизнь любого человека до краев, но в жизни Стоика все еще оставалась большая дыра в форме Иккинга, которая не заполнялась, что бы он ни делал.

Когда Астрид переехала к нему, домик, по крайней мере, перестал напоминать похоронный корабль, поглощающий его целиком в своей пустоте. Она делала все, что от нее требовалось, в меру своих способностей, хорошо готовила, содержала дом в чистоте, чего Иккинг просто не мог иметь в силу того, что целыми днями пропадал дома, как его отец. Он практически удочерил ее, а жители Берка были еще свежи в памяти с образом Иккинга Многообещающего, который отправился на поиски героя, чтобы показать себя героем, поэтому они не задавались вопросом о странной договоренности. В конце концов, браки в любом случае имели мало общего с волей жениха.

И все же Стоик никак не мог избавиться от пелены тишины, опустившейся на его жизнь, словно кто-то накинул невидимое одеяло из медвежьего меха на весь шум. В Берке по-прежнему кипела деятельность, крики, звонки и взрывы каждого дня с его людьми и вредителями, но почему-то мир был тише.

Возможно, это меланхолия, подумал он однажды ночью, наблюдая, как Астрид ухаживает за своим оружием с помощью промасленных тряпок и точильных камней. Именно это, домашний уют двух воинов, рассказывающих о своих дневных победах и недостатках, он всегда хотел разделить с Иккингом. Сейчас это казалось такой нелепой идеей, ведь Стоик мог сидеть и точить оружие с кем угодно на Берке, но только Иккинг мог разбросать повсюду чертежи самых странных приспособлений, набросать все, что попадалось ему на глаза, и сделать жизнь такой непредсказуемой и интересной. Его сын был человеком уникального таланта, и эта уникальность приводила Стоика в ярость, когда рядом был Иккинг. И все же теперь, пять лет тихого дома и однообразия заставили его жалеть о безумных идеях сына, его энтузиазме и неудачных попытках помочь. Стоик как никогда желал, чтобы кузница взорвалась не только от нападения дракона; чтобы на столе вокруг пергамента, испещренного каракулями, лежали недоеденные фрукты и надкусанный хлеб; чтобы, поднимаясь по лестнице, он все еще мог увидеть лежащую на подушке пушистую голову, а не белокурую. Это был почти урок богов: то, что он больше всего ненавидел в своем сыне, было и тем, по чему он больше всего скучал.

Астрид поднесла свой топор к свету, повертела его, чтобы поймать отблеск пламени, затем удовлетворенно вздохнула и положила его обратно на крючки. Она не пользовалась этим топором уже два года, несмотря на то, что хранила его в первозданном виде, и Стоик никогда не спрашивал почему. Как только точило было убрано, на ее колени легли инструменты для выстругивания, и еще один кусок дуба превратился в маленькую фигурку Мьельнира.

"Как прошло представление сына Ходдегарра сегодня утром?" спросила Астрид на полпути к своей задаче. Она подняла на него глаза и посмотрела на огонь, на котором весело булькал котелок, в котором кипело белье.

"О, прекрасно. Чуть не разразилась драка. Видела бы ты дедушку Свенсена, который настаивал на том, чтобы малышку назвали свирепым Одегаром". Он рассмеялся, наслаждаясь смехом Астрид.

"Он должен заслужить свое взрослое имя, как и все остальные", - сказала она, несколько раз хихикнув, когда ее нож быстро расправился с дубом. Стоик с нежностью посмотрел на нее: она точно заслужила свое имя Астрид Верная. "Кроме того, Одегар Ходдегарр?" Еще одна усмешка.

"Как насчет тебя, полный день?"

"Хм", - согласилась она с кивком. "После рейда и патрулирования я занялась куриной проблемой Мульча. И... Стоик, я тут подумала". Он поднял на нее глаза; выражение ее лица было острым, и она пристально смотрела на деревянную поверхность стола. "Если бы ты попал в плен и нашел выход, куда бы ты вернулся?"

Стоик мгновение смотрел на нее, размышляя над выражением ее лица и над тем, как ее пальцы перекатывают дубовый кусок туда-сюда. "Что ты имеешь в виду?"

"Я имею в виду, что если бы тебя схватили, и тебе удалось сбежать, разве ты не вернулась бы домой как можно быстрее?"

"Я полагаю..." Он нахмурился. "Ты говоришь о ... ты думаешь, что Хик..."

"Я обращала внимание на терров, - быстро сказала она, усаживаясь поудобнее, - и заметила, что в первые несколько дней, когда мы их привязываем, они все пытаются лететь в одном направлении с цепями, натянутыми до упора. У меня нет сомнений, что они летят в направлении гнезда".

Выпрямившись, Стоик почувствовал, как по его спине пробежала полоска холодного возбуждения. Все в Берке знали, что Стоик был одним из лучших вождей не только благодаря своей физической доблести, но и благодаря острому уму. В конце концов, несмотря на то, что Вал был не промах, Иккинг унаследовал от отца более чем достаточно ума. Возможности того, на что она намекала, были...

"Я хочу сказать, что если бы вместо столба на скале их привязали к мачте корабля?"

Он сглотнул. "Они привели бы нас прямо к гнезду", - прошептал он. Его кулак опустился на стол, заставив его шататься и заставив Астрид подпрыгнуть. "Почему я никогда не думал об этом! Ха!"

Он быстро поднялся, потянулся за шлемом и уже почти вышел наружу, когда услышал, как Астрид прочистила горло. Стоик моргнул, выглянул в дверь, которую уже успел распахнуть, и его встретила буря с градом, бушевавшая всю ночь. Весь Берк, конечно же, был в помещении, и Стоик быстро закрыл дверь, когда на него обрушились крупные шары льда. На задворках сознания он отметил, что они как раз вовремя укрыли осенний урожай.

Он стыдливо обернулся к своей ближайшей невестке, которая стояла со сложенными руками и

забавным выражением лица.

<http://tl.rulate.ru/book/92895/3050579>